

— Спектакль «И вдруг ночи стали бессонными» связан с историей тибетцев и их отношений с Китаем. Почему именно Тибет оказался в центре Вашего внимания сегодня?

— Всегда трудно сказать, почему именно тот или иной спектакль тебя выбирает. История Ти-

бета — то, о чем я думаю уже давно. Но спектакль не рассказывает всю историю Тибета. Он говорит о том, как тяжело нам, гражданам европейской и относительно богатой страны, сопереживать народу, который живет в тысячах километров от нас. О том, как тяжело понять, принять другого,

Ариана Мнушкина в поисках нежного братства

Русский телеграф, 1998, 11 июня, с. 11

Французский режиссер о театре и Тибете

приютить его у себя. Тибетец — это мы сами. И в том, что Тибет умирает, — а надо сказать, что Тибет умирает, — есть и наша вина.

— После нескольких лет работы над классическими текстами Вы вернулись к сочинению пьесы методом коллективной импровизации.

— Это произошло совершенно неожиданно. Мы работаем с автором, который нам очень нравится, — Элен Сиксус. Мы думали, что и в этом спектакле Элен напишет текст. Но оказалось, что сюжет этой работы оказался близок к тому, что мы пережили сами. Актеры начали импровизировать, и малопомалу эта импровизация стала стилем спектакля. Единственное, чем занималась Элен, — она ставила шероховатости, поднимала текст на определенный литературный уровень. Так, почти через 20 лет Театр Солнца возвращается к тому, что раньше называлось «коллективным творчеством».

— Сегодняшний зритель, кажется, гораздо более скептичен, чем 20–30 лет назад, в отношении любых форм кол- лективной работы и социального жеста. Откуда Вы черпаете мужество, чтобы прямо обращаться к залу?

— Я практически незнакома с ситуацией в России. Вследствие этого я с некоторым страхом представляю здесь свой спектакль. Но во Франции он вызвал эмоционально насыщенную, бурную реакцию публики. Я уверена, что во Франции многие, если не все, ощущают необходимость нежной солидарности, нежного братства — не убийственного, не ледяного — нежного. И так как спектакль говорит о попытках людей найти, вновь обрести это братство, зрители получают урок спокойствия и человеческого достоинства.

— Ваш театр называется Театром Солнца. Вы когда-нибудь определяли Ваш театр как пространство радости?

— Да, мне кажется, что если нет радости, нет и театра. Когда люди выбирают театр как свое предназначение, они тем самым выбирают жизнь вообще — не частную свою жизнь, но образ жизни.

— Что Вы думаете о полити-

ческом аспекте тибетского вопроса? И имел ли сам спектакль какое-то воздействие на отношение французов к Тибету?

— Мне кажется, что вы лучше, чем кто бы то ни было в мире, знаете, что художественное произведение, которое берется реагировать на какие-то политические события, не имеет быстрого и реального отзыва. Но когда набирается много произведений, обсуждающих эту проблему, это в конце концов к чему-то приводит. Иногда даже рушатся империи. Китай не более живуч, чем те империи, которые погибли раньше. Наш спектакль прежде всего обращен к европейцам. Китай сейчас как никогда нуждается в Европе. И если бы европейское сообщество, которое знает о заинтересованности Китая в сотрудничестве с Западом, попыталось как-то повлиять на политическую ориентацию Китая, оно должно было бы сказать Китаю: «Если вы хотите сосуществовать с Европой — тогда вы должны соблюдать права человека». Мне кажется, что в конце концов это привело бы к успеху.

— Сегодня все говорят об угасающем духе Европы. Вы находите его все еще позитивным?

— Нет-нет. Он совсем не угасающий. Я очень хорошо чувствую, что молодежь во Франции начинает понимать, что та сонливость и безразличие, которыми характеризовалась атмосфера последних 10–12 лет, — это дурная обстановка, и надо из нее выходить.

У театра есть цель и есть смысл. Если театр решает для себя, что его не интересует более человеческая история, он идет к бесплодному эстетству. Кто-то говорил: «Театр вне мира — это, по сути, мир без театра». Если художник полагает, что наличие идеологии освобождает его от долгого и нелегкого художественного поиска, он начинает превращаться в лгуну и самозванца — о чем бы он ни говорил. Только подлинная требовательность к себе, полная бескомпромиссность в поиске формы позволяет говорить о том, что ты думаешь об этом мире, что считаешь в нем главным.

Беседовала АЛЕНА КАРАСЬ